

Натиг Расулзаде

СЛИЯНИЕ

Натиг Расулзаде

Слияние

«PEN-клуб»

2014

Расулзаде Н.

Слияние / Н. Расулзаде — «PEN-клуб», 2014

Эротическая повесть о любви сорокалетней женщины и шестнадцатилетнего мальчика, познавшего с ней свой первый сексуальный опыт, мальчика, из которого женщина сделала мужчину во всех смыслах: порядочного, честного, смелого, сильного, умеющего противостоять уродливым, неписанным законам улицы южного города. Случайный первый секс между ними, и все последующие любовные свидания, которые поначалу воспринимались юношей исключительно как удовлетворение своих физических, половых потребностей постепенно переходит в настоящую, большую любовь, несмотря на то, что они вынуждены скрывать от окружающих свои взаимные чувства, скрывать от общества, готового осудить их «незаконную» любовь. В повести ярко показана атрибутика семидесятых годов прошлого века, колорит южного города, характер его обитателей, образ их жизни.

© Расулзаде Н., 2014

© PEN-клуб, 2014

Натиг Расулзаде

Слияние

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Первая была Роза. Цветок распустившийся, ароматный, пахучий, источавший сладчайшие запахи. Женщина лет под сорок, она называла себя врачом-косметологом, профессия, надо сказать, в те годы мало популярная, мало почтенная и отсюда – мало востребованная: в стране Советов не очень поощрялось следить за своей внешностью, если только ты не артист, пренебрежительные словечки «стиляга», «пижон», «модница» ярлыками приклеивались к людям, уделявшим слишком много внимания своей внешности; все помыслы граждане должны были отдавать стремительному продвижению к обществу всеобщего блага и еще тому, чтобы как можно скорее перегнуть Америку по всем показателям.

Но вернемся к Розе. Врачом косметологом она не была, просто некоторое время проработала медсестрой у настоящего косметолога, профессия ей понравилась, и, уйдя от врача, поднабравшись необходимых сведений о выведении прыщей, она решила сама попробовать себя в качестве практикующего дерматолога. Открыла кабинет у себя на дому (в то время на подобные вещи власти смотрели сквозь пальцы и никакими налогами трудящихся не облагали, так что, все знали женщин, шьющих на дому, вправляющих вывихи на дому, избавляющих от испуга на дому, плиссе, гофре, картоне на дому – если последнее вам еще что-то говорит, если – нет, то и не надо, в том числе и выводящих прыщи и фурункулы на дому) и поначалу, благодаря соседям, сделавшим ей неплохую рекламу, стала принимать в основном мальчишек, подростков, лица которых были усыпаны возрастными прыщами, мазала им лица и лбы дурно пахнущей горячей, неприятно стягивавшей кожу коричневато-серой массой собственного изготовления; проводила получасовые и двадцатиминутные сеансы, не забывая в процессе напоминать юным пациентам, что неплохо было бы параллельно с её лечением разок пройти переливание крови. Сеансы стоили двадцать копеек, но, учитывая, что страна всего несколько лет назад пережила денежную реформу (что тоже входило одним из пунктов в тотальное соревнование с Америкой и вызывало у трудящихся гордость за советскую валюту, оставившую позади американский доллар) и двадцать копеек были равны дореформенным двум рублям, то плата была далеко не смехотворной, особенно для подростков, которые должны были каждый раз выклянчивать деньги у родителей. Кроме того, Роза работала медсестрой на пол ставки в районной поликлинике, и благодаря этой работе имела частную практику: ходила на дом к больным делать уколы и, как говорили, рука у неё была легкая, «укольщицей» слыла великолепной, а потому и знали её не только в ближайших от поликлиники кварталах, и часто приглашали то уколы делать, то системы ставить больным, так что без работы, а, следовательно и без заработка не оставалась.

Блестящая, как начищенное серебро, монета сверкала и искрилась на ладони, и жаль было с ней расставаться, но лучше было расстаться с ней, чем не расставаться с прыщами.

Товарищ, такой же прыщавый, как и он, уже прошедший два сеанса и готовившийся сделать переливание крови, чтобы избавиться от досаждавших его фурункулов, однажды рассказал ему о враче, принимавшей на дому и на его третий сеанс они отправились вместе.

Конечно, до поры, до времени можно было бы прожить и с прыщами, зная, что это издержки подросткового возраста, но он в очередной раз влюбился и, видя, как любимая девочка из параллельного класса с отвращением смотрит на его усыпанное гнойниками лицо, он страдал, не спал ночами и сердце его обливалось кровью, переливание которой и рекомендовалось делать.

– Да, что ты, Эмин, походишь, примешь несколько сеансов и будет у тебя лицо чистенькое, как...

– Как что? – спросил он, не дождавшись продолжения.

– Как зеркало! Все девчонки влюбятся будут в тебя.

Это ему понравилось, тем не менее, он сказал:

– Мне не нужны все, мне одна нужна.

Сказал это Эмин не очень уверенно, потому что кроме Наргиз, девочки сверстницы, ему, может даже больше, нравилась их учительница, красавица математичка Нина Семеновна, в которую были влюблены почти все мальчики их школы; она ему снилась по ночам, по ней он тосковал, её видел перед собой, занимаясь мастурбацией в туалете; и все существо его будто раздваивалось, не зная, что окончательно выбрать – безответную любовь к девочке Наргиз, или вовсе нереальную, фантастическую, которая никогда не пошла бы дальше бесплодных мечтаний, любовь к Нине Семеновне.

– Одна, одна... – повторил он задумчиво.

– Вот одна и влюбится, – покладисто согласился приятель. – Пойдем, а то мне тоже скучно сидеть там по пол часа одному...

Она была в белом халате, видно, рассчитывала произвести этим впечатление на молодежь, и как рассчитывала так и производила. Настоящая врач-косметолог, строгий взгляд сквозь очки со слабой диоптрией, строгая прическа, чистые руки, белоснежный халат. Там уже сидел один на стуле, парнишка лет семнадцати с измазанным дурно пахнущей смесью лицом. Эмин при виде маски на лице незнакомого мальчика, чуть скривился. Она заметила его реакцию.

– Не нравится? – спросила она, мягко улыбаясь.

Он пожал плечами.

– Еще не знаю.

– Я тоже пока не знаю, буду с тобой заниматься, или нет, надо пока обследовать твою кожу, садись. А тебе, – обратилась она к приятелю Эмина, уже на правах старожилы усевшемуся на стул в ожидание процедуры, – я же вчера сказала: через день. Кожа должна отдохнуть... Так что – до свидания, придешь завтра, в это же время.

Мальчик ушел.

– Надеюсь, ты будешь более понятливый, чем твой друг, – сказала она Эмину, рассматривая прыщи на его лице через большую лупу.

– Мне тоже через день надо будет?

Она не отвечала, продолжая разглядывать его гнойники.

– Нет, с тобой придется повозиться, поначалу – каждый день.

Она надела резиновые хирургические перчатки и стала месить в миске отвратительную серо-коричневую массу, готовясь нанести её на лицо нового пациента, и строго разглядывая Эмина сквозь очки.

Измазав его лицо этой неприятно жгущей и вонявшей массой, она попросила его сидеть не гримасничая, чтобы маска впиталась в кожу как можно глубже и эффективнее, и перешла к другому пациенту. С его лица она стала снимать маску. Эмин это мог наблюдать только краем

глаза, повернуть голову и посмотреть на то, что ожидало его тоже через пол часа, он опасался, чтобы не рассердить врача, но по движениям её рук понимал, что она вытирает мальчику лицо, который уже со снятой маской привычно подошел к умывальнику и тщательно умылся, вытерся полотенцем, и теперь Эмин мог видеть его прямо перед собой. Лицо мальчика было красным как помидор, но женщина, встав перед ним, тотчас заслонила пациента от Эмина, изучая кожу его лица сквозь лупу.

Наконец тот ушел, и женщина, бросив мимолетный взгляд на своего нового пациента, ушла на кухню и стала там греметь посудой, отчего Эмин и сделал заключение, что отправилась она именно на кухню. Квартирка была маленькая, кажется однокомнатная, и комната эта представляла собой застекленную веранду на втором этаже, выходящую во двор...

Как раз тут со двора, нарушив сонную тишину, как выстрел раздался истерический женский голос:

– Миша! Сейчас же домой, пока я тебя не порезала на мелкие кусочки!

Видимо, зов был не первый, и терпение звавшей лопнуло, раз она так серьезно угрожала.

– Иду-у! – раздался столь же истерический крик в ответ.

И вновь наступила тишина.

...В обычный для этого города перезаселенный соседями разных национальностей дворик старого дома с одним туалетом с покосившейся дверью в углу, что из окна веранды был хорошо виден и откуда только что вышел старик с автафой-железным кувшином для подмывания в руке. Посреди дворика, занимая чуть ли не треть его площади стоял котел, в котором двое кирщиков в грязных майках, загорелые почти до черноты кира, орудовали специальными длинными железными лопатами, перемешивая кипящую тягучую массу в котле и непривычно тихо переговариваясь. Дым из котла и запах кира, что готовили для прохудившейся крыши дома, тихие – судя по шипящим и свистящим звукам – ругательства рабочих доносились сюда, влетали в открытое окно веранды, но, тем не менее, окна веранды были распахнуты, не закрывались. Когда старик проходил мимо кирщиков, один из них громко окликнул его:

– Эй, старик, аксакал!

Реакции не последовало.

– Эй, Мамед-киши! – Не отставал кирщик.

– Чего тебе? – неохотно отозвался старик, видимо, утомленный пребыванием в туалете.

– Хочешь, заполним твою автафу киром?

– Заполни свою задницу! – тут же отозвался старик.

Оба рабочих громко захохотали, было заметно – шутка повторялась не раз.

Старик скрылся у себя в доме, и кирщики снова вернулись к своим тихим шипящим и свистящим.

Комната-веранда была разделена надвое плотной занавеской, не до конца сейчас задернутой, за ней была видна неприбранная постель на диване, а на полу, возле дивана – ночной горшок. Женщина, что-то медленно жуя, вернулась в комнату и внимательно посмотрела на лицо Эмина. Но профессиональный взгляд этот был адресован не Эмину, а коже его лица, на которой в настоящее время находилась стянутая эту самую кожу, косметическая маска. Она склонилась над ним, потрагивая рукой в перчатке отдельные участки этой маски, и он увидел в разрезе белоснежного халата ложбинку между грудей, загорелые груди и фрагмент черного лифчика. Она, не замечая его загоревшегося взгляда, продолжала изучать наложенную маску, корректируя её и полностью уйдя в свое занятие. Он, почти теряя сознание и ничего не сообщая от страха, взялся дрожащими руками за её мягкие большие груди.

Она тихо ахнула, чуть не подавившись тем, что жевала, сглотнула, возмущенно, гневно задышала.

– С ума сошел!

Он схватил груди крепче, не зная, что делать дальше.

Она ударила его по рукам.

– Я тебя сейчас выгоню! – спокойно пригрозила она. – Прямо вот так. В маске.

Странно: чем больше она ругала и грозилась, била его по рукам, тем больше он возбуждался, тем хуже воспринимал реальность, тем больше ничего не соображал, тем сильнее кровь кидалась ему в голову и шумела так, что он не слышал ни одного её слова. А она говорила, говорила без умолку, говорила какие-то слова, которые должны были по её понятиям, отрезвить его, заставить оценить обстановку.

– Ты, идиот! – кричала она тихо ему в уши, чтобы не услышали соседи. – Сейчас дочка из школы вернется, скотина!

Но он не слышал и не мог ничего оценить. Он уже тащил её к постели, неприбранной с ночи постели за занавеской с ночным горшком возле дивана. Они рухнули в такой последовательности: она на спину, он на нее, на живот, на её и соответственно – на свой тоже. Она, шипя отбивалась, сколько было сил. У него сил было больше, и, естественно – больше желания. Он добивался.

– погоди, – вдруг обессилев, прошептала она. – Дверь закрою.

Эту фразу он услышал, и она, эта фраза еще больше возбудила и вдохновила, тем не менее, он не стал слушать её, не мог погодить, не отпустил её. И добился своего именно при незапертой двери. Победа! Но, боже, какая это была победа!?! Хуже поражения. Но разве он в свои шестнадцать лет с первой своей женщиной мог отличить победу от поражения?.. К тому же в экстремальных условиях, когда тебя бьют, царапают и, кажется, хотят убить.

Стояло лето, как уже было сказано. Или нет? Тогда скажем: было лето, жара стояла почти под сорок, и не только малолетние неопытные мальчишки, но и взрослые женщины, разведенные почти десять лет назад и не имевшие любовника, женщины с пятнадцатилетними дочерьми, старавшиеся забыть о любви и хоть что-то заработать на жизнь себе и своему ребенку, лишенные алиментов от злостного неплательщика-мужа – бывшего мужа, бывшего – да, даже такие взрослые женщины порой были подвержены столь же жарким, как и июльская жара южного города, мечтам, заставлявшим их краснеть наедине с собой.

В снах своих он часто видел женщину, не какую-то конкретную женщину, а вообще – женщину, женское тело, он неумело ласкал это тело, шептал какие-то слова, плакал от тоски, пенис поднимал одеяло и был так возбужден, словно хотел выпрыгнуть из самого себя; он гладил подушку, представляя на ней лицо учительницы математики Нины Семеновны, в которую был влюблен, как многие мальчишки, лицо красавицы-математички, никому не давал плохо отзываться о ней, был по-мальчишески влюблен в неё; но тела её никак не мог себе представить, будто она была бестелесной, одно красивое лицо на подушке, он целовал это лицо, обнимал во сне самого себя и к утру обнаруживал, что снова была поллюция и он лежит в неприятной липкой остывшей лужице. А наяву он частенько задумывался: как же это должно произойти, если у него вдруг появится женщина, готовая на самом деле отдаться ему, молокососу, как бы ни было это невероятно, но мечты, мечты... Как же должно произойти, что надо будет сказать, что делать, как подступиться, или в таких случаях женщина сама за него все сделает? Последнее его устраивало, все остальное страшило.

Капли пота, смешанные с отвратительной массой, капали на её белый халат, который она не успела и даже не думала снять. Хорошо, хоть недолго. Она с отвращением оттолкнула его, поднялась, с таким же отвращением посмотрела на свой испачканный халат, одернула его на себе, поправляя, торопливо подошла к умывальнику, умыла лицо, вытерлась... И тут к своему изумлению обнаружила его сидящим на стуле на своем месте как ни в чем ни бывало, с почти сошедшей от пота лечебно-гигиенической маской на лице. От неожиданности, она не сразу сообразила, что сказать и несколько секунд смотрела на его обезображенное лицо.

– Умойся, – наконец, произнесла она, протягивая ему полотенце.

Как раз в этот момент незапертая дверь распахнулась и в комнату ворвалась девочка, на которую он не успел обратить внимания, и крикнула с ходу, будто вовсе не замечая возле умывальника его, тщательно трущего лицо:

– Ма, я с подружками в кино! С Натой, Фирой, Гюлей! – она привычная к чужим людям в доме, мельком поглядев в его сторону, забежала на кухню, тут же выбежала оттуда с булкой в руках и исчезла за дверью, успев на ходу с набитым ртом бросить ему:

– Привет!

Произошло все молниеносно, так что человеку неподготовленному могло показаться, что девочка привиделась, а её крик – слуховые галлюцинации.

Через минуту после нее в дверь постучали и, не дождавшись приглашения, вошел молодой человек лет двадцати, поздоровался и уселся на стул возле того стула, на котором только что сидел Эмин. Женщина, было видно, пока все еще пребывала в шоке, который постепенно переходил в простую растерянность, была заторможена и даже не ответила на приветствие нового посетителя. Эмин, кончив умываться, тоже уселся на свой стул, не зная, что делать. Женщина подошла к молодому человеку, оглядела рассеянно его лицо и будто через силу произнесла:

– Нет, пока рано... Завтра придете... А вы, – обратилась она вдруг к Эмину, – пока останьтесь.

При этих словах, сердце Эмина облилось горячей волной радости от неоправданных ожиданий, и он почувствовал, как медленно просыпается и взлетает его воробышек, на лету превращаясь в орла. Но зря он надеялся, зря думал, зря размышлялся, забыв поговорку: думай о плохом, но надейся на хорошее. Он и думал, и надеялся, и мечтал только о хорошем, а это понятно: при несбывшихся надеждах приводит к стрессу и дисбалансу в организме, особенно в молодом, темпераментном организме.

– Вот что я вам скажу, – проводив пациента и заперев за ним дверь, налетела на него женщина, потрясая указательным пальцем у него перед носом и сердито перейдя на «вы». – Если только вы осмелитесь кому-нибудь... кому-нибудь... – видно было, что она плохо владела собой, была разъярена до крайности и даже грудь у нее покраснела, но говорила она шепотом, – кому-нибудь о том... что произошло...

И опять её груди были в опасной близости от его носа, его глаз, его рук.

– А как вас звать? – спросил он тоже шепотом.

Она опешила, стала мягче, остекленевший от ярости взгляд утратил свою безадресную направленность, она удивленно посмотрела на него, не находя слов, и первое что пришло ей в голову – ответить на вопрос.

– Роза, – сказала она опять очень тихо.

– Извините меня, Роза, – по школярски сказал он, поднимаясь со стула. – Я больше не буду.

Но роскошное тело зрелой женщины с ослепительно чистой кожей было слишком близко от него, как он не успокаивал себя, он не мог совладать с собой, и он вцепился в это тело, словно в нем в этом теле, словно в ней, в этой женщине было его спасение, будто она только могла спасти его от чего-то страшного, что мучило изо дня в день, не давало покоя по ночам и старалось опозорить каждую минуту днем.

– Вы... Ты!.. – только и могла произнести она.

Теперь он владел ситуацией и, успешно преодолев несколько раундов утомительной схватки, все ощущал, все чувствовал отчетливо, и обладал ею, как ему показалось бесконечно долго. Он грубо вошел и полностью поместился в ней, причиняя боль и даря наслаждение, она мычала, тихо стонала, закусив зубами край подушки, чтобы не дать вырваться крику, чтобы мычание не превратилось в вопли.

Стоял жаркий июльский день, как не раз уже было сказано, забывчивый мой читатель, и по этому поводу все окна на веранде у Розы были открыты, впуская в квартиру и выпуская из квартиры малейшие звуки в сонную тишину послеполуденного застывшего в ленивом ничегонеделание дворика. Итак, она стонала, он все активнее продолжал свои непристойные телодвижения, и, наконец, она помутневшими от счастья глазами попросила пощады, попросила отпустить её. Но разве он, мальчишка мог понять такие взгляды женщины? Нет, не мог. И домучил её до конца.

Некоторое время оба, отлипнув друг от друга, неподвижно лежали на взмокшей от трудов богоданных постели. Она не в силах была произнести ни слова, а хотела сказать многое.

– Ты... больной? – наконец, отдышавшись, спросила она, чувствуя, что задает ненужный риторический вопрос.

– В каком смысле?

– В смысле: с головой у тебя все в порядке? – пояснила она.

– Ну...вроде бы – да... – сказал он.

Это прозвучало не очень уверенно. Она тихо, переливчато рассмеялась, как человек, которому уже нечего было терять. Этот смех её повлек за собой неожиданные и не очень в настоящее время приятные для неё последствия – он вновь потянулся к ней, но на этот раз она очень решительно и категорически воспротивилась. Резко поднялась с постели, накинула на плечи халат и сказала:

– Вставай. Сейчас ко мне придти должны.

– Кто? – спросил он.

– Такие же, как и ты, – сказала она нарочито сердито. – Прыщавые сосунки.

Он обиделся. Совсем немного, чуть-чуть, но обиделся. Теперь, после того, что произошло между ними, она не должна была его так называть, – подумал он.

– Обиделся? – участливо спросила она, и он тут же растаял и забыл про свою чуть-чуть обиду. – Ну, ладно, поднимайся побыстрее, одевайся. И забудь сюда дорогу. Раз и навсегда! Нечего улыбаться, я серьезно говорю.

Но он не забыл дорогу.

После знакомства с Розой резко изменилось его отношение к своей сверстнице из параллельного класса, к девочке Наргиз. Те романтические, порой сентиментальные чувства, которыми он обрамлял свою несчастливую любовь, истаяли как туман, как дым. Он более трезво посмотрел на девочку и понял, что то безответное чувство, то её отношение к нему, те брезгливые гримасы, что она строила, завидев его, опасаясь, что он подойдет и заговорит с ней, все то, что он до недавнего времени принимал за трагедию, мировую драму в душе своей, была всего лишь очень часто встречающаяся история неразделенного чувства гадкого утенка, который то и дело влюблялся в поисках сердца, что ответит на его любовь. Но девочке не нужно было его сердце, ей не было дела до его души, какой бы богатой эта душа ни была, её интересовала только внешность парня, как он выглядит, как одевается, влюбляются ли в него другие девочки, на чьем фоне она бы смотрелась выигрышно: вот, мол, вы его любите, а он влюблен в меня и вас в упор не видит. И очень скоро любовь его, не подпитываемая с другой стороны сошла на нет, тем более что и девочки, источника былой любви его не было рядом, она с семьей на все летние каникулы уехала на дачу, а он, как обычно, остался в городе, душном, жарком, вдали от моря, от пляжей городе, который он ненавидел особенно остро в летние месяцы, когда многие из его школьных товарищей разъезжались по дачам, по курортам с родителями, уезжали кто куда и в начале сентября приезжали обратно, загорелые, веселые, полные впечатлений. Он, поначалу строивший планы, как отомстит за неразделенное свое чувство, когда предмет его любви вернется в школу после каникул, теперь даже этому не придавал значения: она ему стала

абсолютно безразлична, и самолюбие, совсем еще недавно бывшее столь болезненным в нем, теперь не чувствовало никакого ущемления и никаких страданий.

Он стал ходить к Розе. Он стал избегать товарища, который привел его к ней, и попросил её назначать тому другое время, чтобы они тут не сталкивались.

В дальнейшем, когда она привязалась к нему и с каждым разом привязывалась все сильнее и крепче, она как-то сказала, глядя с постели, как он натягивает на свое мускулистое тело рубашку и брюки, торопясь в школу:

– Ты хоть понимаешь, чем мы занимаемся, понимаешь, как это опасно? Ведь ты – несовершеннолетний, мне тридцать девять, это же прямое соращение малолетних! Ты понимаешь, что меня могут судить за это?

– Плевать, – только и сказал он.

– Да, тебе плевать... А что мне делать? Мне... мне перед собой стыдно! Бог мой, ну за что мне такая напасть?! Что мне делать?!

На самом деле, что ей было делать, если долгие годы спавшее чувство в ней пробудилось теперь и виновником этого пробуждения был именно этот мальчишка, этот прыщавый шкет (кстати сказать, он утратил свои безобразные прыщи после того как стал активно жить с ней), этот малоразговорчивый, по-мальчишески грубый юноша, в глубине души очень даже нежный, боявшийся показать эту нежность, не желавший показаться сентиментальным, а следовательно, по его мальчишеским понятиям – слабаком. Такого на улице она бы и не заметила, не обратила бы на него внимания. Но долгое отсутствие в её жизни мужчины, когда порой она даже стала забывать, что она женщина, женщина в самом соку, в самом, можно сказать, расцвете телесных сил, сделало Розу замкнутой, несколько нелюдимой. И первый попавшийся мужчина, а в её случае мальчик пришелся очень кстати, показался ей желанным, именно тем, кого она так долго ждала. Её любовь проснулась и стала освещать объект любви именно с тех сторон, что ей так нравились, не могли не нравиться, плохого она не замечала, что и было вполне естественно у влюбленных. Но и влюбленной, нельзя сказать, чтобы она себя так конкретно чувствовала: останавливала разница в возрасте, чтобы она могла себя так назвать, но привязанность сказалась почти сразу же. А то чему она невольно учила его в постели из своей небогатой сексуальной практики, он так быстро и активно усвоил и так умело орудовал своим внушительным для такого худенького тела хозяйством, что ей оставалось только благодарить бога за такой неожиданный подарок. Он тоже – она замечала – при всей своей мальчишеской резкости характера привязывался к ней, первоначальное желание только обладать телом её постепенно переходило в стремление узнать её поближе, как человека, полюбить её человеческие качества, и он проникал в её душу все глубже, и это проникновение открывало ему неиспытанные еще в малой его жизни источники духовного наслаждения, что сливаясь с наслаждением физическим давало несказанное удовлетворение. Одним словом, они оба начинали по-настоящему любить друг друга. Но её мучило, что он так молод, что она занимается предосудительным делом, и приняв его несколько раз у себя дома, она категорически запретила ему приходить к ней и пообещала все сама устроить насчет места, квартиры, где они могли бы свободно встречаться, не боясь любопытных соседских глаз и ушей.

Мальчишеская бравада и пижонство в нем с его еще не окрепшей психикой давало ему хороший повод гордиться тем, что у него уже появилась первая женщина, что он живет с ней как муж с женой, но в то же время он понимал, даже без её назойливых многократных напоминаний, что об этом нельзя говорить, нельзя хвалиться этим даже перед близкими друзьями, как бы временами не возникало жгучего желания выделиться среди этих подростков, этих сопляков онанистов еще не познавших плотской любви. Подобные желания он тут же подавлял, что было не очень-то трудно благодаря его замкнутому, неразговорчивому характеру. И еще – в том окружение, в котором он жил среди парней и мужчин, заезженных однообразным, тяжелым трудом за кусок хлеба, не принято было делиться с другими подобными победами,

это считалось низостью и трепотней, недостойной настоящего мужчины; и этот кодекс чести, принятый испокон века на улице, в квартале, где он жил и где обитала его семья, с детства впитался в кровь и плоть мальчика, и он даже при большом желании не мог переступить черту, за которой начиналось падение в бесчестье, позор и всеобщее презрение. Но после того как он стал жить с Розой, он почувствовал разницу и в школе и на улице между собой и своими сверстниками-девственниками и даже между парнями, что были старше его на несколько лет, но еще не познавшими женщин. Кстати, и девочка из параллельного класса, Наргиз, что нравилась ему, почувствовав, что он охладил к ней, не бросает больше на переменах в её сторону горящих взглядов (да к тому же избавился от противных прыщей и гнойничков, усыпавших раньше все лицо его, и теперь стал вполне симпатичным парнем, которого неплохо было бы и дальше держать в качестве вздыхателя, чтобы завидовали подружки), честолюбивая девочка эта была очень огорчена свершившимся фактом, утратой обожателя и теперь сама при случае бросала на него любопытные взгляды. Он не реагировал. Не потому, что хотел отплатить ей той же монетой, нет, просто она стала ему неинтересна.

А Роза... Что ей было делать, если она будучи с ним лишалась воли, была сама не своя, умом понимая, что совершает нечто предосудительное, но душой, сердцем, всем телом своим, так соскучившимся по мужчине, не умевшим отлипнуть от него, была не в силах прогнать его. Напротив: пускалась во все тяжкие, чтобы почаще видеть его, любить его, обладать им, сливаться с ним, отдаваться ему, чувствуя в себе вовсе не мальчишескую плоть, умело почти с первых раз пробудившую в ней женщину, самку. Она не в силах была противостоять этому, и потому, словно оправдываясь перед самой собой, невольно выискивала в нем добрые, хорошие черты и, естественно, находила, потому как выискивала с тщательностью, и старалась убедить себя, что полюбила его именно за эти качества, а не за то, что в постели с ним ощущая свою беспомощность перед этим мальчишкой, вся отдавалась, позабыв обо всем на свете той громоподобной, сродни извержению вулкана, силе, что превращало всю её с ног до головы, всю её с душой и сердцем, всю её с бесконечной памятью и скудными воспоминаниями, всю её с многолетней тоской по любви, всю её превращало в одно ненасытное лоно, готовое снова и снова поглощать его, всего его без остатка, всего его с ног до головы, всего его с его душой и сердцем, всего его, не знавшего женской ласки до неё, всего его, не оставляя ни кусочка вне её тела.

– Что мне делать? – часто оставаясь одна, спрашивала она себя, не находя ответа. – Боже, что же мне делать? Ведь это не может продолжаться долго, это не может вообще продолжаться...

Но это продолжалось, делая её все хитрей, все искусней, все лукавей для окружающих в быту, в повседневной жизни. Она становилась другой, непознанной для дочери, для родственников, что время от времени навещали её, для соседей, что часто и теперь слишком уж назойливо заходили к ней по всякому поводу: то соль попросить, то долг отдать, то просто справиться, не нужно ли чего в булочной, куда они отправлялись. Все было как всегда, но теперь ей это казалось подозрительным и казалось, что все они, будто сговорившись, словно заподозрив её и раскусив, узнав о второй, тайной её жизни, слишком уж часто приходят к ней. И каждый жест, каждая невинная ухмылка, каждое необдуманное слово, на что она никогда до этого не обращала внимания, заставляли её страдать и подозревать, подозревать и страдать. Жизнь её сделалась более напряженной, чем раньше, более нервной, но она не променяла бы это беспокойство на спокойствие прошлых лет. Она, несмотря ни на что, была довольна своей жизнью, своей любовью, своим любовником. И изощрялась в разного рода маленьких, наивных хитростях. Как только Эмин появлялся, она усаживала его на стул, как обычно своих пациентов, испуганно поглядывая в окно веранды (окна в хорошую погоду всегда были распахнуты во избежание подозрения со стороны соседей), зацеловывала до синяков, до распухших губ, потом, не слушая его тихие возражения, измазывала его, теперь уже чистое, давно потерявшее прыщи и фурункулы лицо, противной своей фирменной массой, состав которой никому не

открывала и ждала других пациентов, которым нарочно назначала в одно время с ним; работала с ними, заканчивала, выпроваживала, чистила Эмину лицо, снимая маску, сама умывала его под краном и, видя его нетерпение, заходила за занавеску, почти теряя сознание от счастья отдавалась ему, позволяя делать все с собой, все что приходило в его голову, претворяя в жизнь все свои и его горячие фантазии, что в жаркой постели не давали ему спать по ночам. Потом приходила из школы дочь, и они успевали к тому времени по несколько раз умереть и воскреснуть, вернуться к жизни, чтобы еще раз испытать этот сладкий озноб смерти, судорогой пробежавший по телу, по жилам, по сердцу, по гениталиям, и у неё и у него одновременно каждый раз, словно были они одним существом, одной плотью. Они хотели растерзать друг друга, зарыться друг в друга, не выходить друг из друга, навеки остаться друг в друге, стонали в подушку, старались, чтобы ни звука не доносилось до ушей ставших чересчур любопытными соседей. Но время бежало, это противное время, это ненавидимое ими время бежало, стремились, летело, коварное, незаметное, и приходилось соответствовать, приходилось подниматься с ложа любви, ей срочно приводить себя в порядок, а ему – срочно покидать любимую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.